КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го января **№ 2.** 1866 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ ПОМИНОВЕНІЯ КІЕВСКОЮ ДУХ. АКАДЕМІЕЮ ЕЯ ОСНОВАТЕЛЕЙ, БЛАГОДѢТЕЛЕЙ, НАЧАЛЬНИКОВЪ И ВСѢХЪ ВЪ НЕЙ УЧИВШИХЪ И УЧИВШИХСЯ, СОВЕРШАЕМАГО 31 го ДЕКАБРЯ, ВЪ ДЕНЬ КОНЧИНЫ М. ПЕТРА МОГИЛЫ. *)

Болѣе двухъ столѣтій минуло съ той поры, какъ ежегодно въ этотъ день Академія наша совершаетъ поминовеніе своихъ основателей, благодѣтелей, начальниковъ и всѣхъ здѣсь учившихъ и учившихся. Съ живѣйшимъ участіемъ присутствовала всегда на этомъ поминовеніи наша академическая семья, хотя съ нѣкотораго времени она видитъ себя здѣсь почти одинокою, а не

*) Сказан, профессоромъ кіевской академіи Иваномъ Малышевскимъ.

такъ, какъ было въ давнюю пору, когда училище это считалось однимъ изъ лучшихъ достояній общественныхъ, дѣломъ братскаго союза лучшихъ представителей общества. Тѣмъ не менѣе, кромѣ грусти, возбуждаемой въ насъ этимъ празднествомъ, напоминавшимъ намъ многія тяжкія утраты, мы почерпали въ немъ и нѣкоторое ободреніе для своего нелегкаго призванія. Кому не нужно ободреніе въ призваніи, въ трудахъ? Правда, есть одно общее ободреніе для всѣхъ земныхъ тружениковъ, для всѣхъ людей. Это—мысль о томъ небесномъ отечествѣ, куда зоветъ всѣхъ насъ земныхъ странниковъ общее предназначеніе наше, и гдѣ поистинѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная, вѣчная... Но безсмертная вѣчность есть нѣчто такое необъятное для нашей ограниченной мысли, что мы хотѣли бы видѣть нѣкоторое подобіе ея и здѣсь на землѣ.

Съ этимъ подобіемъ мы встрѣчаемся теперь, совершая поминовеніе основателей, благодѣтелей, начальниковъ, наставниковъ этого училища. Ибо что значитъ это поминовеніе? Не то ли, что мы чувствуемъ ихъ жизнь среди насъ, откликающуюся намъ и въ насъ? Да, уходятъ изъ этого свѣта люди, но остаются и живутъ ихъ думы, дѣла, учрежденія. Живетъ въ особенности тотъ общій духъ, который созидается, вырабатывается ихъ жизнію и дѣятельностію, и въ свою очередь самъ становится живительнымъ духомъ, одушевляющимъ слѣдующія поколѣнія, которыя потомъ пріумножаютъ это завѣтное наслѣдство и передаютъ новымъ поколѣніямъ. Въ виду такого высокаго значенія общественнаго духа, дѣла, учрежденія,—можно ли не чувствовать бодрости, одушевленія дѣятелямъ и того скромнаго поприща, каково наше? Не способно ли это облегчить труды и жер-

твы, требуемыя имъ, хотя бы и переполненныя какими либо грустными ощущеніями? Итакъ войдемъ въ духъ нашего прошедшаго, который былъ нѣкогда такъ живучъ, который и теперь живетъ или хочетъ здѣсь жить, юнѣть, обновляться!

Но прошедшее это такъ длинно и плодовито, что мы не беремся въ эти короткія минуты обрисовать его даже въ общихъ чертахъ. Лучше хотѣли бы мы поставить здѣсь живые образы прошедшаго, сблизить ихъ съ явленіями настоящаго, чтобъ глубже ощутить въ себѣ тотъ духъ, которымъ надѣемся жить.

Мы бы хотѣли, чтобы нѣкая творческая сила вызвала предъ нами прадѣдовъ, коренныхъ обывателей этого богоспасаемаго города и края, вызвала изъ ихъ могилъ, изъ коихъ иные найдутся и въ оградѣ этой обители, у стѣнъ стоящихъ здѣсь храмовъ, какъ бы подъ нашими ногами. Если бы они вошли сюда и стали посреди васъ, почтенные слушатели, то они высматривали бы промежъ васъ своихъ правнуковъ, надѣясь застать ихъ здѣсь въ эти минуты. Не увидѣвъ ихъ, они бы въ раздумьи покачали головами. Петръ Могила, котораго представители сословій этого города и края (въ 1631—1632 г.) избрали *старшимъ братомъ* здѣшняго *богоявленскаго братства*, *опекуномъ, блюстителемъ и защитникомъ* братской школы,—Петръ Могила строго спросилъ бы: „гдѣ же правнуки тѣхъ Огинскихъ, Четвертинскихъ и другихъ, ихъ милостей, пановъ русскихъ православныхъ, которыхъ я предъ смертію умолялъ имѣть въ попеченіи своемъ *сей единственный залогъ православной русской церкви, ради умноженія славы Божіей и воспитанія дѣтей православно-русскихъ?*" Петръ Сагайдачный, Богданъ Хмѣльницкій сдвинули бы брови, узнавъ о нынѣшнемъ одиноче-

ствѣ школы, которую они упрочивали, какъ одно изъ лучшихъ достояній общественныхъ, ограждали сильною рукою своею отъ иновѣрныхъ враговъ ея, и которая сама восторженно словомъ и дѣломъ откликалась ихъ подвигамъ на защиту родной вѣры и народности. Анна Гулевичъ, еще прежде ихъ давшая въ 1615 г. самое это мѣсто для братства и его школы съ тѣмъ, чтобы въ ней воспитывались дѣти свѣтскихъ и духовныхъ обывателей особенно земель кіевской, волынской, подольской, безъ сомнѣнія, хотѣла бы также наглядѣться здѣсь на правнуковъ тѣхъ, кому она была какъ бы матерью по воспитанію. Священники кіевскихъ церквей, также имѣвшіе попеченіе объ этой школѣ, вообще члены богоявленскаго братства, особенно же избиравшіеся тогдашнимъ гражданствомъ кіевскимъ *старосты* или попечители этой школы съ участіемъ хотѣли бы видѣть, кто изъ ихъ преемниковъ или потомковъ продолжаетъ опеку надъ ихъ любезною школою. Чтоже бы мы сказали всѣмъ этимъ измогильнымъ посѣтителямъ нашимъ?

Прежде всего мы сказали бы имъ, что значительная часть потомковъ знаменитыхъ пановъ покровителей этой школы уже давно не только забыла про нее, но не разъ показала, что хотѣла бы, чтобы въ этомъ краѣ совсѣмъ не было и этой школы, и самой вѣры православной и народности русской, отъ которыхъ потомки эти отступились въ несчастнѣйшемъ увлеченіи. Но тутъ же мы прибавили бы, что, какъ бы въ силу того неблагословенія, какимъ грозили прадѣды этимъ потомкамъ своимъ въ случаѣ отступничества ихъ отъ родной вѣры и жизни, настала теперь для нихъ пора тяжкаго и послѣдняго разочарованія въ своихъ отступническихъ стремленіяхъ, за которою, быть можетъ, настанетъ для нихъ

пора искренняго раскаянія, возвращенія къ вѣрѣ и народности прадѣдовъ. „Дай-то Богъ!—со вздохомъ сказали бы эти благочестивые прадѣды: тогда только мы рады были бы обнять ихъ и снять съ нихъ неблагословеніе!“

„Но однако же, спросили бы еще насъ прадѣды эти,—если отступничество нѣкоторыхъ несчастныхъ не поколебало православной вѣры, русской народности, гражданственности, общественности въ цѣломъ населеніи края: то отчего же наша любезная школа, созданная нашимъ братствомъ, союзомъ вѣры и народности, церкви и общественности,—отчего она стала одиноко среди нынѣшняго общества?“ Въ отвѣтъ на это мы бы не разжалобились предъ покровителями академіи нашей въ старину. Мы сказали бы имъ, что теперь она въ иномъ положеніи, чѣмъ была ихъ братская коллегія, ихъ прежняя академія. Та была средоточіемъ и двигателемъ всего просвѣщенія въ современномъ обществѣ, такъ что не только религіознаго образованія, особенно высшаго, но и общаго человѣчнаго, образованія, въ условленной тогдашнимъ временемъ степени научнаго развитія его, очень долго нельзя было получить и здѣсь и вблизи—нигдѣ, кромѣ ея. Теперь же пути образованія умножились, оразнообразились. Явились разнаго рода училища, гимназіи, университеты. Для академіи, наслѣдницы древней коллегіи, выдѣлилось призваніе особенное, своецѣльное, давшее ей и уединенное положеніе среди новаго общества, видящаго источникъ своего образованія въ этихъ новыхъ учебныхъ учрежденіяхъ. Какъ бы это показалось измогильнымъ пришельцамъ—покровителямъ нашей школы? Конечно, вмѣстѣ съ нами они порадовались бы широкому развитію учебнаго дѣла въ родной землѣ, въ кров-

номъ потомствѣ ихъ. „Отъ сердца благословляемъ, сказали бы они, ваши новыя училища! Пусть онѣ растутъ и процвѣтаютъ, ибо онѣ идутъ къ той же общей цѣли, къ какой хотѣли идти и мы въ своей коллегіи, т. е. къ просвѣщенію, которое есть высшее благо для народа, общества. Теперь намъ еще отраднѣе вспоминать свои заботы о старой коллегіи нашей, еще достойнѣе въ глазахъ нашихъ самыя усилія этой коллегіи, которая долго должна была одна нести на себѣ и несла, сколько было по силамъ и средствамъ ея одной, то, что теперь взяли на себя многія, запасшіяся такими силами и средствами, училища“. Ко всему этому наставники и покровители старой академіи, современные или близкіе къ той великой эпохѣ преобразованія, отъ которой ведутъ свое начало новыя училища, пожелали бы, вѣроятно, присовокупить еще нѣчто. Такъ, напримѣръ, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ могли бы сказать: „Пусть не забудутъ новыя школы, что и наша прежняя наука, взлелѣянная въ этой академіи, не отвернулась отъ дѣла преобразованія; она на свою долю даже подготовляла его. Мы одни изъ первыхъ сочувствовали великому преобразователю Россіи, объясняли обществу его начинанія и подвиги, поощряли его сподвижниковъ, сдерживая въ тоже время крайности ихъ, и не разъ съ честію отстаивали коренныя начала нашей вѣры и жизни предъ излишнимъ высокомѣріемъ и забывчивостію наплывшихъ заморскихъ учителей, и не одного изъ нихъ убѣдили даже породниться съ нами духовно союзомъ не только науки, но и вѣры православной. Самуилъ Миславскій, современникъ Екатерины II, печаловавшійся предъ нею о своей академіи, могъ бы припомнить здѣсь слѣдующее свидѣтельство министра ея, здѣсь же первона-

чально учившагося, графа Завадовскаго, о студентахъ этой академіи, вызванныхъ имъ для народныхъ училищъ, организованныхъ тогда мудрою государынею: „между всѣми прибывшими къ должностямъ учительскимъ въ коммисію объ учрежденіи училищъ въ разныя времена и изъ разныхъ духовныхъ семинарій людьми, наилучшими, способнѣйшими и благонравнѣйшими оказывались всегда обучавшіеся въ кіевской духовной академіи. Отправляя свои должности съ прилежаніемъ, искуствомъ и благоповеденіемъ, они не мало споспѣшествуютъ народному къ симъ училищамъ довѣрію. Жители губерніи С.-Петербургской—изъ числа тѣхъ, кои наиболѣе пользу сихъ монаршихъ заведеній возчувствовали. Прошу ваше преосвященство, нѣтъ ли еще изъ воспитывающихся въ академіи вашей такихъ охотниковъ, кои бы пожелали опредѣлить себя къ нашимъ училищамъ, имѣя потребныя къ тому способности и успѣхи въ наукахъ, у васъ преподаваемыхъ“. Такъ-то представители прежней академіи объяснили бы намъ связь ея съ новыми училищами нашего времени!

Но не забудемъ еще, что прапрадѣды, которыхъ представляемъ стоящими здѣсь, были люди съ сильнымъ чувствомъ своихъ правъ отеческихъ, семейныхъ, общественныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—съ глубокимъ уваженіемъ къ завѣтнымъ началамъ своего духовнаго развитія, а въ связи съ нимъ, и школьнаго образованія. Ревниво берегли они эти начала въ своихъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ, и въ самой братской коллегіи. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ на это. Когда Петръ Могила преобразовалъ здѣшнюю братскую школу въ коллегію, преобразовалъ и расширилъ самое обученіе въ ней, поставилъ для этого учителей, которыхъ передъ тѣмъ

отправлялъ за границу для дополненія образованія: то вся эта новость была заподозрѣна въ здѣшнемъ обществѣ. Сдѣлалось впрочемъ это по тайной интригѣ и клеветѣ ксендзовъ-іезуитовъ, которые, задумавъ сами засѣсть въ Кіевѣ на Подолѣ съ своей школой, хотѣли, во чтобы ни стало, погубить нашу коллегію, боясь ея образовательной силы въ обществѣ. Съ привычною хитростію распустили они молву, что въ коллегіи новые учители заражены разными лжеученіями, что она не тверда въ своей вѣрѣ. Сильно встревожилось все общество здѣшнее. Грозно поднялось оно на коллегію. Она была какъ-бы въ осадѣ. „Это было такое время,—говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ наставниковъ, потомъ ректоръ коллегіи, Сильвестръ Коссовъ,—когда мы, исповѣдавшись, только ожидали, пока гг. обыватели вздумаютъ начинять нами днѣпровскихъ осетровъ; или когда одного огнемъ, а другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ. Наконецъ Сердцевѣдецъ, видя невинность нашу и великую потребность народа русскаго въ полезныхъ наукахъ, разогналъ облакъ ложной молвы, и освѣтилъ сердца всѣхъ такъ, что увидѣли въ насъ истинныхъ сыновъ восточной церкви. Послѣ сего, ихъ милости, господа обыватели города Кіева и др. мѣстъ, стали не только наполнять нашъ разсадникъ своими дѣтьми, какъ муравьями, въ большемъ числѣ, чѣмъ прежде, но и хвалиться имъ.“ Такой опытъ даетъ заключать, что эти ревнители, взлянувъ съ того свѣта на новыя училища, не остановились бы на одномъ привѣтѣ имъ. Они спросили бы еще: „какой духъ въ этихъ училищахъ, какъ уважается тамъ родная вѣра?“ Мы бы не обжаловали, не оклеветали предъ ними этихъ училищъ. Но мы не рѣшились бы и остановить почтенныхъ прадѣдовъ, если бы

они съ свойственною важностію замѣтили новымъ училищамъ, что, какъ бы ни было широко научное образованіе въ нихъ, оно должно быть въ живѣйшемъ союзѣ съ народными православно-христіанскими началами жизни нашей. Мы бы только спѣшили успокоить ихъ собственною вѣрою въ непоколебисилу, неистощимую жизненность этихъ началъ, также какъ и опытами покровительства имъ со стороны избранныхъ руководителей народнаго образованія, блюстителей народнаго развитія нашего времени.

Но наше время такъ отлично отъ прадѣдовскаго, что, взглянувъ на него изъ могилъ, прадѣды наши предлагали бы еще много новыхъ вопросовъ. Такъ, узнавъ о множествѣ у насъ разныхъ училищъ, гимназій, университетовъ, они любопытствовали бы знать: кто ихъ созидаетъ, поддерживаетъ? Мы бы отвѣчали имъ „попечительное правительство!“—„Благословенно ваше время!“—отозвались бы они. Не то было при насъ, когда край этотъ не успѣлъ еще возвратиться къ единоплеменной и единовѣрной Россіи. Чего стоило намъ исторгнуть у какого либо Сигизмунда III или бурнаго сейма варшавскаго самое позволеніе учиться, и то—даваемое не изъ милости, а скорѣе изъ страха предъ нашею народною силою! Да будетъ благословеніе Божіе и наше прадѣдовское надъ нынѣшнимъ правительствомъ общаго отечества нашего и вашего! . . . Но все таки мы хотѣли бы знать, сколько вы сами, правнуки, дѣлаете для своего образованія, образованія своихъ юныхъ поколѣній? Сколько сами вы устроили училищъ, насколько вникаете въ ходъ учебнаго дѣла, повѣряете его, какъ то дѣлали мы? „Къ счастію и на этотъ вопросъ мы могли бы сказать имъ по крайней мѣрѣ то, что теперь мы именно—на зарѣ общественныхъ начинаній, поощ-

ряемыхъ самымъ правительствомъ: въ особенности похвалились бы мы замѣчательными опытами такихъ начинаній у крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ волею и отеческою любовію великодушнаго Царя — Освободителя, патріотизмомъ и благодушіемъ высшихъ классовъ они призваны къ гражданской свободѣ, къ новому общественному быту. Нужно ли говорить съ какою благоговѣйною радостію узнали бы объ этомъ, особенно болѣе древніе, прадѣды.

Но вдоволь поразвѣдавши о новыхъ училищахъ нашего времени, бывшіе основатели и покровители этого училища, по старой любви къ нему, все таки хотѣли бы видѣть, кто и что въ немъ теперь? Взглянувъ на начальниковъ, учащихъ и учащихся въ немъ, они, быть можетъ, остановились бы при видѣ то знакомыхъ, то не привычныхъ имъ типовъ. Изъ первыхъ мы назвали бы имъ лица и фамиліи изъ самаго Кіева, Украины, Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи, Литвы. Пріятно было бы могильнымъ пришельцамъ встрѣтить здѣсь если не всегда знакомыя, то извѣстныя имъ и слышанныя ими фамиліи. Но мы еще болѣе порадовали бы ихъ, сказавъ, что подобныя фамиліи довольно давно уже являются сюда и изъ такихъ именно мѣстъ, гдѣ въ прадѣдовское время загнѣздилась было унія съ іезуитами, ея творцами, но что теперь тамъ осталась по нихъ лишь одна печальная память. Послѣ Петра Могилы, едвали бы нѐ болѣе всѣхъ порадовались этому самъ Богданъ Хмѣльницкій. Первый могъ бы сказать: „не пропалъ Зборовскій договоръ мой, въ которомъ я постановилъ: не быть уніи въ Руси, не быть іезуитскимъ училищамъ въ Кіевѣ и въ земляхъ казацкихъ, а для вящшаго пораженія уніи и ихъ, огра-

ждалъ и упрочивалъ эту братскую коллегію“. Кониссkій бывшій ректоромъ здѣшней академіи, вѣрно бы подумалъ: „сбылось то, что я началъ съ воспитанниками этой академіи подъ защитою мудрой Екатерины. Теперь вамъ почти не нужно доказывать, какъ то должны были дѣлать я, Голятовскій, Коссовъ, что въ Россіи отъ начала не было уніи: самое паденіе ея доказываетъ это“. И здѣсь-то прадѣды, боровшіеся съ уніею, отдали бы уваженіе тому почтенному священству, которое не только само возсоединилось съ православною церковію, но подвинуло за собою и весь народъ, оставивъ въ печальномъ отчужденіи отъ народа однихъ пановъ, перешагнувшихъ, къ несчастію ихъ, чрезъ унію въ латино-польскую стихію и ею спутанныхъ.

Но далѣе, обращаясь къ другимъ типамъ нашей училищной семьи, мы указали бы могильнымъ гостямъ нашимъ на прибывшихъ сюда изъ Твери, Нижняго, Костромы, Владиміра, Тулы, Калуги, Симбирска, Саратова, Воронежа, Астрахани, Одессы и многихъ другихъ мѣстъ до Закавказья и Сибири. „Всѣ они, сказали бы мы, живутъ здѣсь въ товарищескомъ дружествѣ, при общихъ трудахъ—для одной цѣли“. Это товарищеское братство представителей изъ всей земли русской, конечно, сильно утѣшило бы представителей старой братской коллегіи. А Хмѣльницкій, Гизель, Кониссkій и другіе увидѣли бы здѣсь простое, но знаменательное выраженіе того общаго русскаго единства, которое въ ихъ время для всего юга и запада Россіи было желанною мечтою, а для нихъ—видѣвшихъ далѣе—было уже живою вѣрою, надеждою. Но если бы затѣмъ, въ этихъ всероссійскихъ представителяхъ въ нашемъ училищѣ, мы указали прадѣдамъ, такъ сказать, избранниковъ мѣстныхъ круговъ,

лучшія дарованія, испытанное трудолюбіе съ порывами впрочемъ уже сознательной молодости, то прадѣды составили бы самое высокое понятіе о степени научнаго знанія и развитія, достигаемаго съ такимъ запасомъ нравственныхъ средствъ. Не безъ замѣшательства отвѣчали бы мы на такое ожиданіе, напомнивъ впрочемъ представителямъ коллегіи и старой академіи кое-что изъ собственной судьбы ихъ.

Но чтобы дать имъ нѣсколько успокоительный отвѣтъ, мы бы указали по крайней мѣрѣ на характеръ нашей богословской науки въ сравненіи съ наукою латино-католическою и протестантскою, представительницами тѣхъ главныхъ въ христіанскомъ мірѣ исповѣданій, съ какими имѣли дѣло и они. „Ведя непрерывную борьбу съ латино-папскою наукою, сказали бы мы имъ, вы были въ необходимости овладѣть и поражать ее собственнымъ ея оружіемъ, собственными ея пріемами, столько извѣстными подъ именемъ схоластическихъ, хотя у васъ они уже одушевлены были жизненностію истины, которая въ той была искажена. И вотъ латино-папская наука, даже въ лучшихъ современныхъ представителяхъ своихъ, какими и теперь остаются тѣже іезуиты, и доселѣ коснѣетъ на тѣхъ же пріемахъ, которые ей такъ нужны для защиты своей системы, испорченной ложью. Но теперь намъ не страшны и не нужны эти пріемы изветшавшіе, какъ ветшаютъ предъ нашими глазами и другіе искуственныя подмостки и формы папства. Въ спокойномъ теченіи своемъ, на просторѣ своей независимости, наука наша достигла самостоятельной жизни, внутренняго разумѣнія, самосознанія. Она не боится изслѣдованія, критики. Она смѣло готова идти рядомъ съ общимъ научнымъ и жизненнымъ развитіемъ, въ увѣренности, что съ одной стороны на-

чала ея, какъ начала божественной истины, не поколеблются, доколѣ стоитъ небо и земля, что съ другой стороны общечеловѣческіе идеалы христіанской истины такъ глубоки и плодовиты, что они не истощатся, не исчерпаются—наукою и жизнію, что послѣднія сами напротивъ будутъ только приближаться къ первымъ по мѣрѣ высшаго и высшаго развитія своего. Но съ этимъ воззрѣніемъ наша наука не дѣлается протестантскою, въ чемъ латинскіе богословы упрекали ее и при нашихъ праотцахъ, упрекаютъ и при насъ. По нашему воззрѣнію начала христіанской истины не выискиваются, не измышляются по библіи—личною мыслію любого смѣльчака, хотьбы—то таланта и генія, какъ думаютъ протестантскіе богословы, изъ коихъ иные хватаются за библію болѣе изъ опасенія остаться безъ якоря въ борьбѣ съ прихотливыми волнами фантазіи, уносящей ихъ нерѣдко въ непроглядную туманную даль, гдѣ уже теряется различіе между христіанскими истинами и діалектическими формулами, напоминающими пріемы тойже латинской схоластики. Православная же наука говоритъ напротивъ, что начала христіанской истины, преданныя церкви вселенской и хранимыя ею, пріемлются и исповѣдуются, уразумѣваются и усвояются по мѣрѣ личнаго духовнаго дарованія и развитія христіанина, котораго исповѣданіе и разумѣніе должно быть оцѣниваемо только по его отношенію къ исповѣданію и разуму всей, единой и вселенской, церкви. Полнота и цѣлость христіанской истины дана не приговору Рима или генію Лютера, а всей, единой и вселенской церкви, въ которой, по выраженію св. Павла, *Господь далъ овы апостолы, овы же пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова,*

дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста, исполненія Христова.

При такомъ характерѣ самостоятельнаго, православнаго воззрѣнія, къ которому, сколько мы чувствуемъ, особенно приспособимъ, такъ сказать, складъ личной мысли русскаго народа, наша духовная наука способна, смѣемъ сказать, явиться современною представительницею христіанской истины для всего православнаго міра. Нѣкоторое подкрѣпленіе такой надежды можемъ найти и здѣсь въ нашей академической семьѣ, гдѣ въ ряду учащихся мы видѣли или видимъ столько любезныхъ намъ сербовъ изъ Австріи и княжества, болгаръ, молдаванъ, валаховъ, наконецъ грековъ изъ Аѳинъ, Константинополя, Малой Азіи. Бываютъ опыты признанія за нашею религіозною наукою достоинства чистѣйшей христіанской истины и со стороны безпристрастныхъ представителей религіозной науки запада. Отъ нея и мы ни чуть не сторонимся, уважая въ ней съ одной стороны не утраченныя основанія христіанской истины, наслѣдованной отъ вселенской церкви, давшія развитіе многимъ поучительнымъ явленіямъ религіозной жизни на западѣ, съ другой, богатые матеріалы, глубоко-ученые труды западной богословской науки, которые, на сколько можемъ, изучаемъ съ охотою, какъ то дѣлали и представители прежней академіи, хотя мы, къ сожалѣнію, невидываемъ, подобно имъ, западныхъ университетовъ, библіотекъ и самыхъ двигателей западной религіозной науки.

Но тутъ представители прежней академіи, думаемъ мы, остановили бы насъ слѣдующимъ вопросомъ: „прежде чѣмъ рисовать надежды на какое либо болѣе далекое вліяніе вашей религіозной науки, скажите намъ, какое

вліяніе она имѣетъ ближе къ вамъ, вокругъ васъ? Кто ее слушаетъ"? Ириней Фальковскій, по свѣжей памяти, вспомнилъ бы, что еще при немъ было около 1000 слушателей въ академіи и при томъ изъ всякихъ званій. Мы бы сказали, что малочисленность учащихся въ новой академіи, въ сравненіи съ старою, объясняется именно тѣмъ, что первая стала только высшимъ религіозно-образовательнымъ заведеніемъ, что начальное и среднее взяли на себя другія духовно-учебныя заведенія, что общее число учащихся во всѣхъ ихъ напр. въ Кіевѣ не очень многимъ уступитъ числу ихъ въ здѣшнихъ свѣтскихъ заведеніяхъ, гдѣ воспитанники — изъ всѣхъ сословій общественныхъ, съ нѣкоторою долею и изъ сословія духовнаго. „Но все же, спросили бы насъ, изъ какихъ же сословій воспитанники собственно вашихъ школъ?"—Только изъ одного духовнаго сословія, должны были бы сказать мы: теперь только оно наслѣдственно продолжаетъ завѣдывать религіознымъ образованіемъ, одно несетъ и священное служеніе церкви. „Вотъ это, съ грустію замѣтили бы прадѣды, не въ нашемъ духѣ и обычаѣ." Такъ напр. сказалъ бы митрополитъ кіевскій и покровитель академіи Гедеонъ, въ мірѣ князь Святополкъ — Четвертинскій. Такъ сказали бы и Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Іоанникій Голятовскій, Иннокентій Гизель, Рафаилъ Заборовскій, Варлаамъ Ясинскій, Іоасафъ Краковскій, Георгій Конисскій, Горленко, Прокоповичъ и многіе, многіе другіе, происходившіе изъ фамилій дворянскихъ, мѣщанскихъ, казацкихъ и бывшіе большею частію воспитанниками этой академіи, потомъ—наставниками, ректорами, покровителями ея, священниками, архимандритами, игуменами, святителями, митрополитами. „Почему теперь вы, спросилибъ они, уединились въ свое сословіе, отдѣ-

лились отъ общества?“ — Многимъ изъ нихъ мы почтительно отвѣтили бы, что это началось уже на ихъ глазахъ, что не сама церковь или іерархія вызвала это уединеніе, эту сословность. Она была послѣдствіемъ общаго государственнаго развитія нашего въ новое время, которое, вырабатывая строгое единство политическое, достигало его цѣною рѣзкаго гражданскаго разграниченія и затѣмъ отособленія классовъ общественныхъ; что сословность наша сопоставилась съ сословностію дворянскою, купеческою, мѣщанскою, крестьянскою, и только подъ вліяніемъ случайныхъ причинъ окрѣпла сильнѣе другихъ,—окрѣпла впрочемъ не такъ, чтобы духовенство перестало и теперь выдѣлять изъ себя дѣятелей для общества, чему не мало примѣровъ даетъ и наша академія, а что только само духовенство перестало получать ихъ для себя, или лучше для церкви отъ общества. Прадѣды глубоко пожалѣли бы объ этомъ, и еще не удовольствовались бы нашимъ отвѣтомъ. Тогда мы поспѣшили бы прибавить имъ, что эта невольная особность духовенства имѣла однако свое значеніе въ новой исторіи нашей. Въ ту пору какъ въ необразованныхъ классахъ значительная часть народа ринулась на распутія раскола и сектантства, а въ образованномъ — люди даже съ религіознымъ настроеніемъ жадно перепробывали новыя религіозныя и философскія воззрѣнія, приносимыя волнами жизни къ берегамъ Россіи съ запада, обуреваемаго во все это время напоромъ всевозможныхъ возрѣній; когда наконецъ великое правительство новаго времени, вѣрное завѣтному православію, было однакожъ напряженно занято выполненіемъ достойныхъ его великихъ задачъ политическихъ и развитіемъ въ странѣ отвнѣ заимствованныхъ силъ:—въ это время духовная наука и

служеніе, съ священными началами своими, тихо пріютились у тѣхъ, которыхъ застало новое время на духовномъ поприщѣ, застало вступившими на него по призванію. Они и старались вдохнуть его въ своихъ наслѣдниковъ, не видя болѣе надежныхъ задатковъ его внѣ своего кровнаго, семейнаго круга, не встрѣчая, такъ сказать, и благочестиваго соперничества себѣ на священномъ и скромномъ, но тяжеломъ служеніи со стороны искателей изъ другихъ сословій. Но если бы прадѣды наши даже помирились съ сословностію духовнаго званія въ прошедшемъ, то все таки они не примирились бы съ нею для будущаго, какъ не чувствуемъ болѣе надобности въ ней и мы, предчувствуя напротивъ приближеніе конца ей, по мѣрѣ того, какъ станутъ изглаживаться вообще сословныя особенности въ обществѣ, и, между тѣмъ, оно, прискучивъ кое-чѣмъ изъ того, чѣмъ плѣнялось, быть можетъ, не всегда и отчетливо,—пожелаетъ ближе узнать родную церковь, увѣрясь притомъ, что, отживающее свое время уединеніе церковнаго званія можетъ, съ продолженіемъ его, худо отозваться и на самомъ обществѣ.

Жаль намъ разстаться съ вами, достопочтенные прадѣды, которыхъ мы осмѣлились поднять изъ загробныхъ жилищъ вашихъ. Останьтесь съ нами еще нѣсколько минутъ. По окончаніи божественной литургіи, вы увидите по срединѣ церкви соборъ священства во главѣ съ архипастыремъ, который теперь освѣщаетъ намъ тотъ православный востокъ, откуда приходили къ вамъ патріархи Іеремія и Ѳеофанъ, благословившіе основаніе этой школы. Онъ же представитель архипастыря, продолжающаго послѣ своихъ предшественниковъ заботы въ вашей школѣ. Весь соборъ священный одушевленъ и теперь чувствомъ, такъ

сказать, семейной близости къ вашей школѣ. Но вотъ начнется священный обрядъ. Вы услышите ваши имена, поминаемыя нами съ любовію и молитвою. Вѣчная память возгласится здѣсь вамъ, память, живущая, какъ священное наслѣдство, въ нашихъ преданіяхъ и сердцахъ. Съ памятью о васъ мы хотимъ хранить и духъ вашъ, духъ братства, духъ союза вѣры и науки, церкви и общественности. Наслѣдники ваши, мы, подобно вамъ, надѣемся жить и трудиться для церкви и общества, чтобы и насъ помянули добрымъ словомъ и о насъ нѣкогда съ молитвою возгласили: вѣчная память! Аминь.

КРАТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ СВѢДЕНІЕ О КІЕВСКОЙ ЕВАНГЕЛИКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНѢ.

(Окончаніе).

Окончивши такъ успѣшно свое давнишнее предпріятіе, кіевская лютеранская община рѣшилась ознаменовать освященіе своей новоустроенной кирхи особеннымъ церковнымъ торжествомъ. Ко дню освященія ея она пригласила въ Кіевъ генералъ-суперъ-интендента с.-петербургскаго округа, вице-президента с.-петербургской лютеранской консисторіи, доктора Флитнера. Онъ прибылъ сюда 25-го іюля, (1857 г.) и назначилъ днемъ освященія кирхи 4-е августа. Между тѣмъ въ этотъ промежутокъ времени онъ произвелъ ревизію старой и новой кирхѣ, и совершилъ въ первой нѣсколько богослуженій. Наконецъ насталъ и день освященія кирхи, котораго съ нетерпѣніемъ ожидала церковная лютеранская община. Около 10-ти часовъ утра община, собравшаяся предварительно въ домѣ пастора, двинулась съ пѣніемъ священнаго гимна (онъ начинался словами: „Богъ милостивъ къ намъ...") къ старой кирхѣ; общинѣ предшествовалъ генералъ-суперъ-интендентъ и пасторъ Абель. Въ старой кирхѣ община пропѣла другую пѣснь, которая начиналась словами: „Благодарите всѣ Господа..."—и пасторъ Абель произнесъ благодарственную и вмѣстѣ прощальную рѣчь;

затѣмъ преподалъ общинѣ благословенiе, и въ заключенiе произнесъ молитву Господню. Потомъ община запѣла: „Благослови, Боже, нашъ выходъ...“, а генералъ-суперъинтендентъ въ это время взошелъ въ алтарь, взялъ тамъ церковные сосуды, и открылъ шествiе въ сопровожденiи общины въ новую кирху. Порядокъ процессiи былъ таковъ: генералъ-суперъ-интендентъ съ чашею и дискосомъ (Patrun) шелъ впереди, за нимъ шелъ пасторъ Абель съ крестомъ, потомъ церковный староста г. Гартманъ съ богато-украшенною Библiею, пожертвованною г-жею Глезеръ, далѣе архитекторъ Шлейферъ съ серебряннымъ блюдомъ, на которомъ лежали ключи отъ новой кирхи; затѣмъ слѣдовали другiе знатнѣйшiе члены общины съ другими церковными принадлежностями, и наконецъ вся община въ приличномъ порядкѣ. Процессiя шла по нарочито устроенной для сего дорожкѣ, украшенной древесными вѣтвями, вокругъ новой кирхи. Шествiе сопровождалось колокольнымъ звономъ и пѣнiемъ священнаго гимна, начинавшагося словами: „Ключь къ твоимъ вратамъ...“ Пришедши къ главной двери новой кирхи, генералъ-суперъ интендентъ взялъ изъ рукъ церковнаго старшины, бывшаго полковника Вольскаго, ключъ, украшенный бантомъ лентъ, и отворилъ дверь кирхи. Кирха уже была прекрасно освѣщена щедростiю г-жи Марръ. При входѣ сюда процессiи, съ хоръ кирхи раздалось прекрасное пѣнiе священнаго гимна: „Даруй мнѣ, Господи, одно чувствовать...“; здѣсь заправлялъ хоромъ, составленнымъ изъ любителей—мужчинъ и дамъ, учитель пѣнiя г. Фенигъ. Нѣкоторые стихи этого гимна подпѣвала и вся община. Къ сожалѣнiю общины, къ полнотѣ ея праздничной обстановки, теперь недоставало только органа, который, хотя былъ давно выписанъ изъ г. Кельна

жертвователемъ его г. Кельномъ, но не поспѣлъ къ празднику. Щедрый жертвователь рѣшился на время замѣнить его гармонихордомъ, который впрочемъ въ настоящемъ случаѣ, въ рукахъ искуснаго Фенига, очень удовлетворительно выполнялъ свое назначеніе. Затѣмъ суперъ-интендентъ внесъ въ алтарь священные сосуды, и освятилъ, какъ алтарь, такъ и каѳедру, при чемъ сказалъ задушевное слово благодаренія всѣмъ тѣмъ близкимъ и дальнимъ жертвователямъ и благотворителямъ, которые содѣйствовали устроенію новой кирхи,—въ особенности же тогдашнему церковному старостѣ г. Краузе, который съ особеннымъ самоотверженіемъ хлопоталъ о скорѣйшемъ окончаніи постройки. Потомъ хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ съ аккомпаниманомъ оркестра пропѣлъ великое аллилуія изъ „Мессіи“ Гайдена. Затѣмъ, было совершено обыкновенное недѣльное богослуженіе и совершена исповѣдь для тѣхъ изъ членовъ общины, которые готовились къ причастію въ этотъ день. Во время богослуженія, все, что слѣдовало, выполнялъ хоръ избранныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ съ аккомпаниманомъ гармонихорда. По окончаніи проповѣди, которую произносилъ съ каѳедры пасторъ Абель, хоръ пѣвцовъ и пѣвицъ съ аккомпаниманомъ оркестра пропѣлъ изъ „Міозданія“ Гайдена: „Небеса повѣдаютъ славу Божію...“ Въ заключеніе всего хоръ пропѣлъ гимнъ: „Буди съ нами, Господи...“ Замѣчательно, что въ числѣ присутствовавшихъ при освященіи кирхи была и дочь перваго пастора кіевскаго г. Грала, 72-хъ-лѣтняя вдова, маіорша Анна Елисавета Циммербергъ. Церковное торжество освященія кирхи было заключено праздничнымъ обѣдомъ, который былъ данъ общиною для избранныхъ въ домѣ дворянскаго клуба.

Чрезъ два года, послѣ освященія новой каменной

кирхи, скончался ея пасторъ Абель, а на его мѣсто 5-го февраля 1859 года назначенъ консисторіею помощникъ пастора с.-петербургской Петропавловской кирхи— теперешній пасторъ кіевской лютеранской общины—Александръ Фромгольтъ Эрнестовичъ Свенсонъ, тоже воспитанникъ дерптскаго университета. На первыхъ порахъ кіевская евангелико-лютеранская община высказала ему свою расположенность тѣмъ, что ко дню его пріѣзда въ Кіевъ, послѣ женитьбы, снабдила пасторскую квартиру всѣмъ нужнымъ до послѣднихъ мелочей, и послѣ предложеннаго молодымъ хозяевамъ торжественнаго обѣда, подарила имъ все то, что только нашлось въ ихъ квартирѣ. Нужно на этотъ разъ отдать полную справедливость благородству и добрымъ религіознымъ чувствамъ кіевской лютеранской общины, которая всегда умѣла принимать своихъ пасторовъ и съ должнымъ уваженіемъ относиться къ нимъ. Изъ пасторской дѣятельности г. Свенсона можно упомянуть особенно объ учрежденіи имъ „общества дамъ" (Fereindamen), которое имѣетъ цѣлію ежегодно устрояемыми лотереями [1]) изыскивать средства, отчасти для вспомоществованія бѣднымъ своего прихода, а отчасти для поддержанія церковной школы; его же, между прочимъ, содѣйствію обязана своимъ благоустройствомъ и теперешняя церковно-лютеранская школа, для которой недавно построено очень приличное каменное

1) Такія лотереи предположено разыгривать ежегодно въ Ѳомино воскресенье; отъ нихъ ежегодно выручается до 1000 р. с.

2) Мы не думаемъ этимъ ослабить заслугъ и всего церковнаго лютеранскаго совѣта, членами котораго теперь считаются: церковный староста проф. Делленъ, проф. Мацонъ, фр. Донатъ, В. Клугъ, Ф. Кордесъ и Е. Гаусманъ.

помѣщеніе, и которая недавно преобразована въ прогимназію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ этой церковной лютеранской школѣ, тѣмъ болѣе, что она теперь въ качествѣ прогимназіи открыта для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій и въ частности для дѣтей православныхъ. Церковныя лютеранскія общины всегда и вездѣ считали церковныя школы необходимыми учрежденіями; тоже самое нужно сказать и о кіевской евангелико-лютеранской. Послѣ устройства кирхи, мысль объ устройствѣ церковной школы у ней всегда была на первомъ планѣ, хотя и не такъ скоро осуществилась. На первыхъ порахъ кіевская евангелико-лютеранская община не имѣла ни какой возможности содержать школу, такъ какъ число родителей лютеранъ, нуждавшихся въ воспитаніи своихъ дѣтей, оказывалось очень незначительнымъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и средствъ для основанія и поддержанія школы не было. Въ послѣдствіи, между членами общины разновременно находились такія лица, которыя жертвовали значительныя суммы собственно на устройство церковной школы; такъ, въ 1831 году, нѣкто г. Родешъ для постройки зданія церковнаго училища положилъ фондъ въ 4000 р. ас.; въ 1843 году для этой же цѣли пожертвовала 600 р. с. какая-то г-жа Бергъ. Эта сумма процентами и другими пожертвованіями возрасла къ 1856 году до 4000 р. с., а потомъ увеличилась еще больше.—Первый опытъ заведенія училища при кирхѣ былъ сдѣланъ въ 1837 году; но онъ оказался не совсѣмъ удачнымъ: училище послѣ того просуществовало около двухъ лѣтъ, и должно было закрыться по малочисленности учащихся; въ немъ въ продолженіи каждаго года было не больше 12-ти учениковъ, такъ что плата за ученіе далеко не

могла вознаградить трудовъ учителя. Въ послѣдствіи кіевская евангелико-лютеранская община увеличилась, и число дѣтей ея, нуждавшихся въ воспитаніи, значительно прибавилось; и въ то время въ Кіевѣ было уже достаточно учебныхъ заведеній, въ которыхъ и бѣдныя дѣти лютеранъ безъ затрудненія могли получать воспитаніе, тѣмъ больше, что многія изъ нихъ жили ближе къ этимъ учебнымъ заведеніямъ, чѣмъ къ кирхѣ. Однакоже въ 1843 г. церковно-лютеранское училище было опять открыто; (въ немъ сначала былъ учителемъ нѣкто г. Кальманъ, а потомъ Томсонъ); но и оно было закрыто въ 1850 г., тоже по недостатку средствъ содержанія. Спустя два года послѣ того, сдѣланъ былъ третій опытъ открытія училища, — и онъ былъ теперь удачнѣе прежнихъ; потому что въ это время вблизи кирхи поселилось уже не мало лютеранскихъ семействъ,—и, кромѣ того, нѣкоторые изъ членовъ общины для поддержанія своей школы изъявили согласіе взносить ежегодныя пожертвованія, а другіе сдѣлали на этотъ предметъ единовременные вклады. Теперь положено было прочное начало школѣ и вполнѣ обезпечено содержаніе ея учителей. Школа находилась подъ контролемъ церковнаго совѣта и ея пасторовъ, какъ законоучителей школы. По опредѣленію церковнаго совѣта въ этой школѣ на 10 учениковъ платныхъ принимался изъ бѣдныхъ одинъ безплатный, на счетъ церковной кассы. Здѣсь обучали элементарнымъ предметамъ читать и писать по нѣмецки; также закону Божію, арифметикѣ и проч. Ежегодно 10 ноября, въ день Лютера, въ этой школѣ бывалъ публичный экзаменъ. На такихъ положеніяхъ существовала евангелико-лютеранская церковная школа до послѣдняго времени. Въ ней, въ продолженіи 5-ти лѣтняго ея существованія, число учени-

ковъ ежегодно было отъ 30 до 40. Удовлетворительное обученіе въ этой школѣ и лестный отзывъ о ней бывшаго при посвященіи новой кирхи, генералъ-суперъ-интендента Флиттнера, который дѣлалъ въ ней испытаніе, больше и больше располагали лютеранское общество въ пользу этой школы, Отъ времени до времени число учениковъ въ ней увеличивалось, и потому оказалась надобность распространить ее. Кстати, по окончаніи новой кирхи, старая оказалась лишнею; потому она была употреблена, послѣ нѣкоторыхъ перестроекъ, для школы. Въ послѣднее время, когда это зданіе совершенно обветшало,—а между тѣмъ фондъ для устройства церковной школы значительно увеличился, то процентами на прежній капиталъ, то вкладами по духовнымъ завѣщаніямъ, то субскрипціями, то другими пожертвованіями, церковный совѣтъ нашелъ нужнымъ и возможнымъ устроить для помѣщенія школы то каменное двухъ-этажное зданіе, которое видимъ теперь. Постройка и устройство его обошлись въ 10,000 р. сер. Наконецъ поднятый въ послѣднее время вопросъ объ усиленіи народнаго образованія навелъ общину на мысль-дать своей школѣ болѣе широкіе размѣры—преобразовать ее въ прогимназію. Церковный совѣтъ въ прошедшемъ году представлялъ объ этомъ проэктъ въ министерство народнаго просвѣщенія,—и онъ былъ утвержденъ. Теперь, съ августа мѣсяца 1865 года, бывшая церковная лютеранская школа преобразована въ нѣмецкую реальную 4-хъ классную прогимназію, въ ней теперь пока открыты только два низшіе классы, въ которыхъ считается до 70 учениковъ. Изъ этого числа—большинство нѣмцевъ лютеранъ, меншинство поляковъ католиковъ,—и русскихъ православныхъ дѣтей считается свыше 15. Со

времени открытія этой прогимназіи, число учениковъ въ ней прибавляется все больше и больше; а со времени введенія тутъ преподаванія православнаго закона Божія, и число дѣтей православныхъ мало по малу увеличивается. Для тѣхъ, которые интересуются положеніями этой прогимназіи, мы должны сказать, что она находится подъ патронатствомъ церковнаго лютеранскаго совѣта, и подъ ближайшимъ вѣденіемъ директора 1-й кіевской гимназіи, что порядки въ ней почти такіе же, какіе и въ другихъ кіевскихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, съ усиленіемъ только преподаванія нѣмецкаго языка. На русскомъ языкѣ здѣсь преподаются, кромѣ русскаго языка, только православный Законъ Божій, Русская Географія, Русская Исторія и Естественная Исторія. Годичная плата за ученіе здѣсь положена для всѣхъ дѣтей такая: для учениковъ 1-го класса 15 руб. сер., для учениковъ 2-го—20 р. с., для 3-го 25, и наконецъ для учениковъ 4-го класса 30 руб. сер.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о кіевскомъ лютеранскомъ кладбищѣ, которое имѣетъ близкое отношеніе къ кіевской лютеранской общинѣ. Прежде, кіевская евангелико-лютеранская община не имѣла въ Кіевѣ своего отдѣльнаго кладбища, а погребала своихъ покойниковъ на общемъ православномъ кладбищѣ, гдѣ погребали своихъ покойниковъ и католики. Въ послѣдствіи, когда было отведено особое кладбище для католиковъ,—тогда отведено было отдѣльное кладбище и для протестантовъ, въ томъ ущельи стараго Кіева, которое теперь извѣстно подъ именемъ Крещатика,—и именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ и усадьба портнаго Кальбэ. Въ 1812 году лютеранское кладбище здѣсь было закрыто, потому что крещатицкая мѣстность стала мало

по малу заселяться кіевскими жителями; а въ замѣнъ его было отведено другое кладбище на югѣ Печерска, тамъ, гдѣ теперь пролегаетъ дорога, ведущая въ саперные бараки. Здѣсь община обнесла было свое кладбище рвомъ, обсадила деревьями и построила небольшой домикъ для гробокопателей. Но чрезъ нѣсколько времени и это мѣсто понадобылось подъ постройку крѣпостныхъ укрѣпленій; потому, расположенныя тутъ вблизи другъ друга, кладбища—православное, католическое и лютеранское—въ 1839 году были упразднены, и перенесены на теперешнее мѣсто, за лыбедскій потокъ, на такъ называемую Байкову гору,—причемъ было позволено, кому угодно, переносить своихъ покойниковъ на новое кладбище. Этимъ позволеніемъ особенно воспользовалась евангелико-лютеранская община. Но такъ какъ, при перенесеніи своихъ покойниковъ на новое кладбище, здѣсь лютеране почему то не наблюдали порядка въ расположеніи могилъ; то вскорѣ лютеранское кладбище оказалось тѣснымъ. На это обратилъ особенное вниманіе одинъ изъ членовъ общины г. Краузе: при его содѣйствіи, лютеранское кладбище было распространено, раздѣлено дорожками, усажено деревьями и кустами,—такъ что издали теперь оно представляетъ видъ сада. Въ 1848 году, согласно Высочайшему разрѣшенію, здѣсь построена каплица для покойниковъ и помѣщеніе для гробокопателя подъ одною крышею. Гробокопатель вознаграждается между прочимъ предоставленнымъ ему правомъ—испрашивать у членовъ общины добровольныя подаянія въ праздникъ Пасхи и въ Новый годъ.

Послѣ этихъ краткихъ историческихъ свѣденій о кіевской евангелико-лютеранской общинѣ, мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь еще нѣкоторыя статисти-

ческія данныя для выясненія современнаго положенія этой общины. Кіевскій евангелико-лютеранскій приходъ считается теперь въ с.-петербугскомъ консисторіальномъ округѣ *); онъ не ограничивается однимъ Кіевомъ, а обнимаетъ собою и всѣ его уѣзды, кромѣ черкасскаго, и бердичевскаго; прихожанъ въ немъ мужескаго и женскаго пола теперь считается около 3,000. Требы за три послѣд годы приблизительно распредѣлялись такимъ образомъ **):

	Крещеній.	Конфирмацій.	Коммуний.	Браковъ.	Погребеній.
Въ 1862 —	89 —	33 —	1163 —	15 —	34
Въ 1864 —	108 —	31 —	1143 —	21 —	45
Въ 1865 до нояб.	138 —	49 —	1411 —	23 —	56

Для совершенія требъ внѣ Кіева, пасторъ выѣзжаетъ одинъ разъ въ году, въ лѣтніе мѣсяцы, въ свободное отъ учебныхъ занятій время; въ это время онъ производитъ ревизію и тѣмъ подвѣдомымъ ему церковнымъ школамъ, которыя теперь находятся при фабрикахъ и заводахъ: въ мѣстечкѣ Корыстышевѣ,—въ селѣ Хабномъ и въ деревнѣ Доливовѣ или Романовѣ, радомысльскаго уѣзда. Въ каждой изъ этихъ школъ теперь считается до 50 учениковъ, все нѣмцевъ-лютеранъ. Ежегоднаго цер-

*) Такихъ округовъ у насъ въ Россіи считается 8: 1) с.-петербургскій, 2) московскій, 3) курляндскій. 4) рижскій, 5) лифляндскій. 6) Эзельскій, 7) Ревельскій и наконецъ 8) Эстляндскій.

**) Точности здѣсь не можетъ быть, особенно въ числѣ умершихъ; потому что въ отдаленныхъ отъ Кіева мѣстахъ погребаютъ лютеранъ не рѣдко и католическіе и православные священники, и вносятъ статьи объ умершихъ въ свои метрическія книги, не давая объ этомъ знать пастору.

ковнаго дохода въ кіевской лютеранской кирхѣ обыкновенно бываетъ около 2000 рубл. серебр.; столько же и расхода *) Содержаніе пастора очень безбѣдное: кромѣ незначительнаго жалованья, получаемаго имъ отъ казны 600 р. ас. и отъ общины 600 руб. ас., онъ получаетъ ежегоднаго дохода за совершеніе разныхъ требъ до 2,500 р. сер., не говоря о стороннихъ случайныхъ вознагражденіяхъ за чтеніе уроковъ въ университетѣ и въ другихъ кіевскихъ среднихъ мужескихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, пасторъ пользуется отъ общины даровою квартирою съ ея ремонтомъ и отопленіемъ.

Въ заключеніе мы считаемъ неизлишнимъ сдѣлать нѣсколько выводовъ изъ предложеннаго нами историческаго очерка кіевской евангелико-лютеранской общины. Нельзя не относиться сочувственно къ тому тѣсному, искреннему нравственному единенію, какое замѣчается по большей части въ этихъ общинахъ вообще и въ кіевской люте-

*) Въ прошедшемъ 1864 году церковнаго дохода было: 1) за мѣста въ кирхѣ 250 р. с., не считая копѣекъ,—2) разныхъ сборовъ въ пользу кирхи 1205 р. с. 3) разныхъ пожертвованій 493 р. Вся эта сумма съ остаточною отъ прошедшаго 1863 года образовала капиталъ въ 3,100 съ лишнимъ руб. сер.—Въ 1864 году разошлось: 1) на жалованье пастору 171 р. сер., не считая копѣекъ, 2) кистеру 108 р сер. 3) органисту 150 р. с., 4) настройщику 50 р. с. 5) прислугѣ 188 р. с. 6) на отопленіе кирхи, школы и квартиры пастора 1239 р. с. 7) на освѣщеніе кирхи и другія принадлежности 84 р. с. 8) на ремонтъ квартиры пастора и др. 289 р. с. 9) на застраховку церковныхъ зданій 117 р. с. 10) на содержаніе школы 1494 р. с. Такъ что изъ 3100 р. с. дохода 1864 г. къ 1865 г. едва осталось только около 280 р. с.

ранской общинѣ въ частности между мірянами и ихъ пастырями. Въ объясненіе этого можно сказать, что всякое исповѣданіе получаетъ особенный интересъ на чужой почвѣ, вдали отъ его родины. Если же и въ самомъ дѣлѣ у нѣкоторыхъ изъ православныхъ прихожанъ замѣчается меньше сочувствія къ своему исповѣданію и къ своимъ пастырямъ и вообще къ своимъ религіознымъ интересамъ: то на нашей сторонѣ всегда остается то преимущество, что наше іерархическое начало никогда и никому не жертвовало и не жертвуетъ чистотою своего православнаго исповѣданія *) — сверхъестественною истиною, догматомъ и древнею христіанскою дисциплиною, въ чемъ, безъ сомнѣнія, заключается его высокое достоинство и прочное основаніе его великаго будущаго. Кастичность нашего православнаго духовенства, на которую такъ много нападали и нападаютъ, по нашему мнѣнію, тоже не лишена смысла: кто знаетъ, не служитъ ли она въ мудрыхъ планахъ Божіихъ такимъ оберегательнымъ началомъ нашего великаго православія, какимъ когда то было колѣно левіино въ избраномъ народѣ Божіемъ? Пусть не сочувствуетъ намъ—православному духовному началу—нашъ православный народъ, такъ какъ бы ему слѣдовало сочувствовать; пусть нѣкоторымъ кажутся порванными наши связи съ мірянами, но нужно замѣтить, что за нѣкоторыми изъ этихъ порванныхъ связей не стоитъ и жалѣть; а должно, помнить что наше назначеніе велико—

---

*) Во имя своей высокой нравственной чистоты наше православное исповѣданіе не можетъ сочувствовать такимъ способомъ пріобрѣтенія въ пользу своихъ храмовъ, какъ напр. лоттереи и др. подобное.

быть хранителями той святыни, которою не однократно спасалось наше отечество въ его исторической жизни, и которая предназначена для спасенія всѣхъ и каждаго,— для спасенія всего міра.

Успокоиваясь на этихъ мысляхъ, православное духовенство вообще, и кіевское въ частности, не должно однако же дремать въ своей оградѣ надъ тѣмъ сокровищемъ, которое ему вручено. Особенно желается, чтобы и православное кіевское духовенство, пользуясь существующими связами между имъ и православнымъ народомъ, позаботилосъ между прочимъ завести и въ своихъ приходахъ тѣ два важныя по своимъ послѣдствіямъ, учрежденія, какія издавна существуютъ у нашихъ сосѣдей христіанъ-лютеранъ, разумѣемъ церковные совѣты и церковно приходскія школы. Это былобы тѣмъ благовременнѣе, что вопросъ о православно-церковныхъ совѣтахъ, объявленныхъ у насъ подъ именемъ церковныхъ попечительствъ, уже рѣшенъ оффиціально и давно ожидаетъ осуществленія,—а вопросъ объ устройствѣ церковныхъ школъ, какъ извѣстно, нашелъ уже въ кіевской епархіи такое широкое приложеніе. Еще мы могли бы поучиться у нашихъ сосѣдей христіанъ-лютеранъ той аккуратности и чинности, какія можно найти въ ихъ кирхѣ при богослуженіяхъ,—и той чистотѣ и благоприличію, какія замѣчаются даже на ихъ кладбищѣ. Учиться доброму, у кого бы то ни было, никогда и никому не стыдно.

Свящ. П. Троцкій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— **Панихида въ Кіевской Духовной Академіи.** На канунѣ новаго 1866 года, 31 декабря, кіевская духовная академія совершала обычное, по древнему завѣту, поминовеніе по своихъ основателяхъ, благодѣтеляхъ, учившихъ и въ ней учившихся. Обычай этотъ святой, истинно-христіанскій и вполнѣ приличный христіанскому училищу, установленъ еще въ 17 вѣкѣ, по кончинѣ *старшаго брата, опекуна и фундатора* Братской обители и школъ, митрополита кіевскаго Петра Могилы, послѣдовавшей въ этотъ день; на короткое только время онъ былъ прерванъ по преобразованіи академіи въ 1819 г., когда въ новое управленіе ея вступили лица, не въ ней получившія свое образованіе, но вскорѣ возобновленъ преосвященнымъ Иннокентіемъ Борисовымъ, достойнѣйшимъ воспитанникомъ и знаменитымъ ректоромъ кіевской академіи, и съ тѣхъ поръ непрерывно поддерживается съ большею или меньшею торжественностію. Въ настоящій разъ богослуженіе этого, такъ сказ. *родительскаго* для академіи, дня отличалось значительнымъ соборомъ священнослужащихъ и многочисленнымъ собраніемъ предстоящихъ во храмѣ, въ числѣ которыхъ мы замѣтили г. попечителя кіев. учебнаго округа, нѣсколькихъ профессоровъ университета, коменданта кіев. крѣпости, начальника кіев. инженернаго округа и двухъ помѣ-

щиковъ, извѣстныхъ своею любовію къ духовному просвѣщенію. Литургію совершалъ преосвященный викарій кіевской митрополіи, епископъ чигиринскій Порфирій, ученый изслѣдователь Востока, долгое время служившій тамъ представителемъ русской церкви; въ служеніи панихиды, вмѣстѣ съ его преосвященствомъ, участвовали кромѣ о. ректора академіи, два архимандрита, 6-ть протоіереевъ и довольное число іеромонаховъ; стройный хоръ пѣвчихъ возвышалъ благовѣніе молящихся; а вниманіе всѣхъ сильно, было затронуто прекрасною, сердечною рѣчью при окончаніи литургіи произнесенною профессоромъ академіи Иваномъ Игнатьичемъ Малышевскимъ. Рѣдко когда приходилось намъ оставлять это скорбное моленіе съ такъ оживленными воспоминаніями, какія вызваны были живымъ словомъ г. Малышевскаго; эти воспоминанія составляли предметъ общаго одушевленнаго разговора и на обильной трапезѣ, предложенной, послѣ богослуженія, о. ректоромъ академіи, архимандритомъ Филаретомъ.

Богослуженіе происходило въ теплой свято-духовной церкви, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла церковь деревянная во имя зачатія св. Анны, въ которой 9-го декабря, въ день имянинъ основательницы кіевскаго братства Анны Гулевичевой, происходили *выборы* чиновъ академіи, и въ которой по какой то особенности службу всегда совершалъ свѣтскій священникъ. Нельзя не пожалѣть, что на фундушѣ первой благотворительницы этого училища и братства нѣтъ нынѣ и придѣла во имя св. Анны, равно какъ и о томъ, что академія утратила свободный институтъ, которымъ пользуются нынѣ русскіе университеты. Въ братскомъ монастырѣ давно уже нѣтъ и того братства, въ которое вписывались „душею и рукою", видя въ немъ „вещь зѣло добру"; давно уже

разъединилось „сіе душеспасительное друголюбное соединеніе, братство *церковное*„. Но стоитъ твердо и непоколебимо во православной вѣрѣ основанное почти за 3 столѣтія училище Богоявленской церкви, два столѣтія украшающееся титломъ академіи; перестало уже оно, хотя и недавно, быть всеучилищемъ для дѣтей всѣхъ сословій „такъ духовнаго вшелякаго яко и свѣтскаго шляхетскаго стану", но свѣточь его наукъ не перестаетъ разливаться во всѣ края Россіи и на всѣ сословія чрезъ воспитавщихся въ ней пастырей и учителей православной вѣры; онъ проникаетъ даже и за предѣлы Россіи въ Молдавію, Валахію Сербію, Болгарію и Македонію чрезъ пріобрѣвшихъ въ кіев. академіи образованіе уроженцевъ этихъ странъ, изъ которыхъ нѣкоторые возсѣдаютъ уже на святительскихъ каѳедрахъ своего отечества.

Много думъ вызываетъ кіевская академія, alma mater русскаго образованія. Здѣсь была церковно-приходская шлола, при содѣйствіи общества возросшая на степень академіи. Гонимая уніей въ Литвѣ и на Волыни, здѣсь нашла опору православная вѣра и спасла Малороссію отъ конечной гибели въ волнахъ латинизма. Здѣсь было всеучилище русское, гдѣ выработывались начала русскаго языка, откуда вышли защитники православія, изслѣдователи обрядовъ, исправители богослужебныхъ книгъ на сѣверѣ Россіи, обличители свившаго тамъ себѣ гнѣздо раскола, проповѣдники вѣры въ хладной Сибири, распространители просвѣщенія по всѣмъ странамъ Россіи, просвѣщенные іерархи, разогнавшіе мракъ суевѣрія и невѣжества, много столѣтій покрывавшій значительныя области нашего отечества. Здѣсь получили воспитаніе и ревность къ православной вѣрѣ вожди и правители малорусскаго края, возсоединившіе его съ общимъ отечествомъ и со-

крушившие владычество поляковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; здѣсь воспитывались и просвѣщеннѣйшие сотрудники Петра, Елисаветы, Екатерины; отсюда посредственно или непосредственно ведутъ начало свое и всѣ русскія учебныя заведенія. Іовъ, Борецкій, Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Арсеній Сатановскій, Епифаній Славенецкій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій, Филоѳей Лещинскій, св. Димитрій Ростовскій, Георгій Конисскій; Петръ Конашевичъ—Сагайдачный, Богданъ Хмельницкій, графъ Завадовскій, князь Безбородко,—какія громкія имена въ исторіи Россіи, русской церкви и русскаго пропросвѣщенія, сколько воспоминаній вызываютъ они! Склоняемся предъ вами, славные дѣятели, приснопамятные питомцы Кіева.

Миръ вашему праху, почившие отцы и братія наши по воспитанію, да будетъ вамъ вѣчная память въ православной церкви и въ христіанской наукѣ! А ты, alma mater наша, ревниво охраняй ихъ память, свято храни не только имя славнаго училища, но и благовѣніе къ его почившимъ дѣятелямъ и почтеннымъ его обычаямъ; возрастай еще и процвѣтай „на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи нашему Россійскому роду, видя“, „яко врагъ и ненавистникъ спасенія нашего и нынѣ пакоститъ во благочестіи нашемъ“....

—Открытіе училища дѣвицъ духовнаго званія. въ г. Воронежѣ. Въ концѣ минувшаго года въ Воронежѣ совершилось открытіе училища дѣвицъ духовнаго званія. Основаніемъ для открытія сего училища послужило благотвореніе потомственнаго почетнаго гражданина Якова Ивановича Нечаева.—1863 года февраля 5 дня, г. Нечаевъ въ поданномъ преосвященному архіепископу Іосифу прошеніи изъяснилъ, что онъ, бывши свидѣтелемъ неоднократ-

но высказанной его преосвященствомъ заботливости о пріобрѣтеніи дома, удобнаго и приличнаго для пріюта и училища дѣвицъ духовнаго званія, и сочувствуя сему богоугодному дѣлу, жертвуетъ въ вѣчную и ни отъ кого независимую собственность воронежскому митрофанову монастырю благопріобрѣтенный имъ въ г. Воронежѣ каменный двухъ-этажный домъ съ надворнымъ при немъ строеніемъ и усадебнымъ мѣстомъ.

По всеподданнѣйшему докладу Святѣйшаго Синода, въ 26-й день сентября 1863 года, Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ изъявить согласіе на укрѣпленіе за митрофановымъ монастыремъ пожертвованнаго г. Нечаевымъ дома и на открытіе въ ономъ пріюта и училища дѣвицъ духовнаго званія.

Сообщая о семъ Высочайшемъ соизволеніи Воронежскому епархіальному начальству, Святѣйшій Сунодъ, согласно представленію и ходатайству архіепископа Іосифа, между прочимъ въ своихъ опредѣленіяхъ и въ последнемъ отъ 28 мая сего года извѣстилъ, что:

1) Воронежскій потомственный почетный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ, Яковъ Ивановичъ Нечаевъ, за приснопамятное для воронежскаго духовенства благотвореніе, Всемилостивѣйше пожалованъ золотою медалью для ношеніи на шеѣ на Станиславской лентѣ.

2) Для достаточнаго обезпеченія открываемаго пріюта и училища дѣвицъ духовнаго званія, назначаются слѣдующія средства: а) 500 р. процентовъ съ жертвуемой Митрофановымъ монастыремъ, для основнаго капитала училища, суммы въ 10 т. р. б) 2000 р. каждогодно жертвуемыхъ отъ монастырей Митрофанова и Задонскаго (по 1000 р.): в) 1000 р. каждогодно жертвуемыхъ отъ Воронежскаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго зва-

нія и г) до 3000 р. отъ другихъ монастырей, церквей, бѣлаго и монашествующаго духовенства, каждогодно собираемыхъ по предложенію консисторіи.

3) Въ качествѣ почетнаго попечителя заведенія предлагается пригласить воронежскаго потомственнаго почетнаго гражданина Якова Ивановича Нечаева, а въ послѣдствіи въ сію должность выбирать по желанію кого либо изъ гражданъ, извѣстныхъ по своему усердію къ дѣлу благотворенія.

4) Въ виду этихъ постановленій, а также и того, что проэктъ устава воронежскаго училища дѣвицъ духовнаго званія въ его главныхъ основаніяхъ не противорѣчитъ уставамъ подобныхъ заведеній, существующихъ уже въ другихъ епархіяхъ, дозволяется открыть сіе училище на изложенныхъ въ проэктѣ устава основаніяхъ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы въ оное принимаемы были дѣвицы не отъ 8 до 12, а отъ 10 до 12 лѣтъ по примѣру другихъ подобныхъ заведеній; и въ случаѣ, если, по усмотрѣнію мѣстнаго преосвященнаго, окажется нужнымъ какое либо измѣненіе въ главныхъ основаніяхъ, на коихъ разрѣшается Святѣйшимъ Сѵнодомъ открытіе означеннаго училища, войти о семъ новымъ представленіемъ. *(Вор. Еп. Вѣд.)*

—**Святотатство въ Кіевѣ.** Въ послѣдніе три года въ Кіевѣ стали довольно частые случаи похищенія изъ церквей. Первоначально святотатство проявлялось похищеніемъ малыхъ иконъ въ серебрянныхъ окладахъ, обдираніемъ серебрянныхъ вѣнчиковъ у нихъ и другихъ украшеній болѣе или менѣе цѣнныхъ; такого рода похищенія въ 1863 и 1864 годахъ были во многихъ церквахъ на Подолѣ, Старомъ Кіевѣ, Печерскѣ и Новомъ Строеніи, какъ-то: Добро-Николаевской, Притиско Никольской,

Щековицкой, Срѣтенской, Спасской, Троицкой и другихъ. Полицейскія розысканія обыкновенно оканчивались отвѣтомъ, что похитителей не оказалось. Съ 1864 года святотатство приняло болѣе крупные размѣры, такъ изъ Златоустовской церкви, въ великій пятокъ во время Крестнаго хода съ плащаницей, уворована серебряная вызолоченная св. чаша съ дискосомъ; изъ Десятинной церкви, въ маѣ, во время бракосочетанія, унесенъ довольно значительнаго размѣра образъ святителя Николая древняго письма съ частицей его мощей, принесенный съ Востока нашимъ паломникомъ А. Н. Муравьевымъ; въ сентябрѣ изъ Притиско-Никольской церкви, ночью, украдены опустившимся чрезъ колокольню на хоры воромъ св. сосуды и нѣкоторыя иконы въ серебряныхъ окладахъ; наконецъ въ октябрѣ и декабрѣ минувшаго года похищены изъ Георгіевской церкви, ночью, св. сосуды, крестъ, дарохранительница и серебр. оклады евангелій, а въ печерской Ольгинской церкви обокрадена въ значительномъ количествѣ церковная сумма. Видно, что хищники первоначально испытывали на малыхъ вещахъ свое искуство и опытность полиціи въ открытіи воровства; убѣдясь въ возможности дѣйствовать безнаказанно, они приступили уже къ болѣе труднымъ и болѣе крупнымъ операціямъ. Замѣчательно, что святотатство устремлено преимущественно на металическія вещи и что въ этомъ родѣ оно не слышно было у насъ до разрѣшенія евреямъ жить и торговать въ Кіевѣ, даннаго имъ въ видахъ удешевить жизненные припасы для кіевлянъ. (Удешевили дѣйствительно!...). Недавно въ мѣстныхъ газетахъ заявлено о поимкѣ злоумышленниковъ, большею частію изъ евреевъ, хотѣвщихъ обворовать старообрядческую часовню въ Кіевѣ. Дай Богъ, чтобы полиція наша схватила наконецъ аріаднину нить къ святотатственной промышленности.

—Письмо въ Кіевъ на новый 1866 годъ. Что новаго замышляется у васъ въ Кіевѣ на *1866*-й годъ? Этотъ новый годъ особенно замѣчателенъ: завершаетъ собою *тысячелѣтіе русскаго христіанства.* Въ *866*-мъ году кіевскіе князья Оскольдъ и Диръ ходили на Царьгородъ за добычею, и воротились въ Кіевъ съ безцѣннымъ сокровищемъ вѣры Христовой. Съ этого похода на Царьгородъ и начинается историческая извѣстность Руси: „начася прозывати *Руська земля*" говоритъ преподобный Несторъ.

Тысячелѣтіе русскаго государства, начавшееся 862 года княженіемъ Рюрика на русскомъ сѣверѣ, уже ознаменовано достойнымъ памятникомъ въ Новгородѣ. Нынѣ пришла пора ознаменовать тысячелѣтіе русскаго христіанства—въ Кіевѣ, гдѣ началось наше православіе и откуда оно распространилось во всѣ концы древней, Владиміровой Руси. Чѣмъ-же ознаменовать? На то указываетъ само событіе. Когда кіевская рать въ двухъ стахъ кораблей (челновъ) обступила Царьгородъ, царь Михаилъ съ патріархомъ Фотіемъ цѣлую ночь молились въ набережной церкви Богоматери Влахернской; а потомъ вынесена была съ пѣніемъ честная риза Богоматери и погружена въ волны: тогда поднялась на морѣ сильная буря и разбила большую часть кораблей. Устрашенные вожди языческой Руси увѣровали тогда въ истиннаго Бога и приняли святое крещеніе; а греческая церковь тогда воспѣла: *Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся отъ злыхъ, благодарственная восписуемъ ти раби твои, Богородице!* . . . .

И такъ, надобно нынѣ воздвигнуть въ Кіевѣ храмъ во имя *Богоматери Влахернской,* обратившей кіевскую Русь отъ язычества въ христіанство,—явившей свое

благоволеніе къ Кіеву и при созданіи драгоцѣнной для всего русскаго міра печерской церкви.

Въ древнее время и была въ Кіевѣ церковь Влахернской Богоматери, заложенная на Кловѣ преподобнымъ Стефаномъ печерскимъ. Но современи нашествія Батыева уже нѣтъ той церкви.... Тѣмъ болѣе надобно воздвигнуть въ Кіевѣ новый храмъ во славу *Имущей держану непобѣдимую.* А чтобы почтить и тысячелѣтнюю память о нашихъ первыхъ *князьяхъ-христіанахъ,* справедливо было бы установить въ день Богоматери Влахернской (2-го іюля) *крестный ходъ на Оскольдову-Могилу,* гдѣ и нынѣ, какъ въ древнее время, находится небольшая церковь св. Николая.

Вотъ мысли мои въ нынѣшній день, которыми и привѣтствую васъ съ наступающимъ новымъ годомъ.

М. Максимовичъ.

28 декабря 1865 г.
Михайлова-Гора.

Печат. дозв. Кіевъ. 15 января 1865 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ.*
Въ Типографіи **Ѳедорова.**